

жение, в котором, по мнению К. А. Жукова, погиб Эртогрул, на самом деле произошло не в 1395/1396 г., но в 1391⁵, т. е. тогда, когда Эртогрул был еще жив.

Приведенные нами сведения, как кажется, исключают предложенную К. А. Жуковым датировку и дают новые подтверждения мнению Э. Захариаду, что Эртогрул вплоть до 1398 г. мог оставаться правителем Теолого. К этому сюжету в рецензируемой работе необходима еще одна поправка — начало царствования Бурхан ад-Дина Ахмада приходится на 1381 г.⁶, а не 1380, как это помечено в тексте (с. 57).

Ann. 1; *Jorga N. Notes et Extraits pour servir à l'histoire de Croisades au XVe siècle. P.*, 1896. Т. 1. P. 107.

⁵ *Азиз Астарбади*. Базму разм. Стамбул, 1928. С. 403—404; *Zachariadou E. Manuel II. Paleologus on the Strife between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad // BSOAS. 1980. Vol. 43. P. 473, 478.*

⁶ *Азиз Астарбади*. Указ. соч. С. 221—222.

Отметим и другие неточности. На с. 135 мечеть названа «храмом», что не совсем корректно. На с. 136 сочинение «Кысасы анбия» названо арабским, хотя само название его дается на фарси. На с. 139 при транслитерации названия одного арабского сочинения слово «албахс» передано его турецким вариантом «бахис», что также некорректно. На с. 20 должно быть Филантропин, а не Филантропен. На с. 45 должно быть Феодора Кантакузина, а не Кантакузин. К сожалению, приходится отметить, что значительная часть итальянских имен собственных приводится в искаженном виде (например: следовало бы писать на с. 32 не Пьетро да Канали, но да Канале; на с. 41 — не Симоно, но Симоне, на с. 60 — не Андрео, но Андреа, на с. 82 — не Корнари, но Корнаро и т. д.).

В целом же следует признать, что рецензируемый труд представляет существенный вклад как в османистику, так и в византиноведение, является интересным сводом нового и богатого материала по политической, экономической и культурной жизни региона.

Р. М. Шукуров

В а л т а Е. L'Eubée à la fin du XVe siècle. Economie et population: Les registres de l'année 1474. Athènes, 1989. 448 p.

Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время мы являемся свидетелями пристального внимания специалистов к истории Эгеиды в период византийско-латинско-турецкого соперничества (XIII—XVII вв.). Подтверждением этому служит серия новейших трудов как специальных, так и обобщающих по картографии, исторической географии и демографии, политической, экономической и социальной, а также церковной истории¹.

Важнейшей составляющей комплексного изучения региона является публикация османских документов как с точки зрения самостоятельного исследования истории Эгеиды в период турецкого владычества, так и в связи с разработкой проблем континуитета византийских форм в экономической и социальной жизни Ос-

манской империи². В потенциале османские материалы содержат также определенную информацию относительно порядков, имевших место до турецкого завоевания в Латинской Романии. На примере Кипра это продемонстрировано в работах Х. Иналджика, а также Б. Арбеля и Ж. Вайнштейна³.

Изучение османских налоговых описей (дефтеров) уже оформилось в отдельное исследовательское направление, получившее название дефтерология. В рамках этого направления греческая исследова-

¹ Назовем лишь некоторые: *Koder J. Negroponte: Untersuchungen zur Topographie und Siedlungsgeschichte der Insel Euboa während der Zeit der Venezianerherrschaft. Wien, 1973; Sphyroeras V., Avramea A., Asdrachas Sp. Map and Mapmakers of the Aegean. Athens, 1985; Slot B. J. Archipelagus Turbatus: Les Cyclades entre colonisation latine et occupation ottomane c. 1500—1718. T. 1—2 // Publ. de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul. Stamboul; Leyde, 1982. Vol. 51.*

² О результатах первых сравнительных исследований подобного рода см.: *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society / Ed. A. Bryer, H. Lowry. Birmingham; Wash., 1986. См. также рец. на это изд.: Карнов С. П. // ВВ. 1988. Т. 49. С. 232—234; Zachariadou E. A. // BSOAS. Vol. 52. 1989. Pt. 1. P. 145—148.*

³ *Inalcik H. Ottoman Policy and Administration in Cyprus after the Conquest // Milletlerarası Birinci Kıbrıs Tetkikleri Kongresi (14—19 nisan 1969): Türk Heyeti Tebliğleri. Ankara, 1971. P. 59—77; Arbel B., Veinstein G. La fiscalité Vénétocyprite au miroir de la législation ottomane: le qanunnâme de 1572 // Turcica. 1986. Т. 18. P. 7—51. Здесь мы не касаемся тех расхождений в выводах, к которым пришли упомянутые нами исследователи.*

тельница Евангелия Балта опубликовала два османских дефтера, составленных после турецкого завоевания (1470 г.) о-ва Евбея (Негропонт). Речь идет о кратком и полном дефтерах, датируемых 20 певраля 878/10 марта 1474 г. и в настоящее время хранящихся в Стамбуле в библиотеке Атаюрка (Atatürk Kütüphanesi, Muallim Cevdet 0.73). Если полный дефтер содержит список фискальных единиц (хане) ⁴ с перечислением взрослого населения (женатые, холостяки, для христианского населения — вдовы), а также подробный перечень налогов (в деньгах и натуре), составляющих ренту, получаемую тимариотом — владельцем условного пожалования (тимара), то краткий ограничивается совокупным числом «хане» и общей суммой налоговых поступлений. В полном дефтере отмечены также «мюльки» с указанием имени владельца (в большинстве случаев это мельницы, находящиеся в полной собственности), а также хасса — доменная владения тимариотов (в основном фруктовые сады и виноградники). Всего в дефтере в 9 волостях (нахийе) значится 125 населенных пунктов, в их числе г. Халкис (тогдашний Агрибоз), и 55 мезраа (обрабатываемых участков).

Факсимильное издание упомянутых дефтеров (краткий: с. 431—416; полный: с. 415—352), сопровождаемое современной турецкой транслитерацией и переводом на французский язык, послужило основой исследования (с. 1—200), в результате которого Ев. Балта удалось воссоздать картину экономической жизни в аграрном секторе на Эвбее в первые годы после османского завоевания.

Публикация таких относительно ранних османских дефтеров — предпринятие, несомненно заслуживающее самой высокой оценки. Тем более что, избрав для издания и исследования данные дефтеры, автор сознательно шел на преодоление известных трудностей. Дело в том, что публикуемые дефтеры в данном случае не сопровождаются синхронным «канун-наме», т. е. провинциальным законоположением, регулировавшим, в частности, порядок взимания налогов с податного населения. Нет надобности говорить, что османские «канун-наме» зачастую весьма неполны, так что в налоговых описях (тахрир дефтерлери) можно порой встретить разряды налогов, не отмеченные в «канун-наме» ⁵, однако именно по материалам провинциальных «канун-наме» мы можем представить себе механизм взимания налогов, получить надежные данные по метрологии в той или иной местности. Между тем наиболее раннее из известных нам на сегодняшний день

«канун-наме» санджака (провинции) Агрибоз (Негропонт) датируются 977 (1569) г. ⁶ Но в данном случае важен не сам временной разрыв, а определенная несогласованность данных, имеющихся в этом «канун-наме», и цифр, полученных Ев. Балта по аналогии с фискальными ценами на зерно, зафиксированными в других регионах империи в конце XV в. В первую очередь это несоответствие величин базовой меры — *вьюка / химла* (с. 33—34) ⁷. Отсутствие синхронного «канун-наме» осложняет также расчеты налогообложения в сфере виноградарства ⁸. Кроме того, пока не обнаружены более поздние полные дефтеры санджака Агрибоз, что не дает возможности провести сравнительный анализ данных. В совокупности эти обстоятельства вынуждают автора опираться в ряде случаев на аналогии, основанные на результатах случайной выборки, а также руководствоваться логикой преобладания общего над особенным, и, естественно, внутренней логикой самого источника.

Трудности, объективно ограничивающие информационный потенциал публикуемых дефтеров, неоднократно подчеркиваются в работе, поэтому автор предлагает собственную схему формализации исследования, в конечном счете позволяющую ответить на главный вопрос: в каких условиях осуществлялось производство и распределение прибавочного продукта?

Исследование включает два больших раздела: I. Экономика и налоговая система (с. 17—112); II. Территория и население (с. 113—142).

Прежде всего автор проводит систематизацию налогов, обозначенных в дефтерах, так как в османской налоговой практике одни и те же налоги могли фигурировать под разными наименованиями, а также предлагает классификацию налоговых сборов, сопровождаемому толкованием содержания отдельных налогов (с. 17—24). При рассмотрении структуры доходов тимариота (с. 24—26) автор приходит к выводу, что четверть этих доходов приходилась на испендже (сбор с фискальной единицы), причем средний доход

⁶ Опубл. : *Barkan Ö. L. XV ve XVI inci asirlarda Osmanli Imparatorluğunda zirai ekonominin hukukî ve malî esasları. İstanbul, 1943. Cilt 1: Kanunlar. S. 341—343.*

⁷ Это обстоятельство еще раз подтверждает настоятельную необходимость развития исследований по османской метрологии. В этой связи следует отметить позицию журнала «Turcica» (Strasbourg; P.), в 80-е годы начавшего регулярную публикацию подобного рода работ.

⁸ Ср. с. 53—54 исслед. с данными «канун-наме» (*Barkan Ö. L. Op. cit. S. 341, §§ 10—12*).

⁴ Ев. Балта принимает семейный коэффициент 4,14 (с. 137—138).

⁵ *Arbel B., Veinstein G. Op. cit. P. 41.*

с фискальной единицы составлял около 94 акче (в том числе 23,5 акче — натуральная рента и 70,5 акче — денежная рента).

После анализа налоговых сборов в аграрном секторе (с. 26—35) Ев. Балта переходит к главе «Производство» (с. 33—85), в которой последовательно рассмотрены выращивание зерновых (основная сельскохозяйственная культура), виноградарство, скотоводство, выращивание хлопка и льна, бобовых, а также пчеловодство. Здесь, помимо обработки статистических данных, дающей возможность представить в целом структуру и объем сельскохозяйственного производства на о-ве Евбея, автор делает ряд заключений общего характера. В частности, в результате скрупулезных вычислений (с. 35—45) уровня сельскохозяйственного производства в среднем крестьянском хозяйстве Ев. Балта приходит к выводу об убыточности местного зернового производства (не удовлетворявшего нужды самопотребления, воспроизводства и уплаты десятины/ушра), компенсируемой коммерциализацией других видов сельскохозяйственной деятельности в первую очередь за счет виноградарства, налоги с которого в целом достигали 2/3 ушра с зерновых (с. 37, 45). Заметим попутно, что этот вывод можно сопоставить с данными о внешнеэкономических связях Евбеи предшествовавшего периода. Известно, например, что в 70-е годы XIII в. на острове действовала группа венецианских купцов, специализировавшихся на ввозе хлеба из западных районов Малой Азии и вывозе в эти районы негропонтоского вина⁹.

В главе «Сельское хозяйство и денежная налоговая система» (с. 87—112) исследовательница проводит, в частности, сопоставление соотношений между сбором испендже и ушром, имевших место на Евбее и соответственно в Восточной Македонии и Морее. Сравнение наглядно показывает существовавшие различия: например, на Евбее доля испендже была 25,1 %, ушра с зерновых — 20,75 %; обратная картина наблюдалась в Морее (испендже — 27,27 %, ушр с зерновых — 33,44 %). Этими сравнительными данными автор подтверждает свой тезис относительно дефицитности зернового производства на острове. Переходя далее к расчетам излишков, получаемых в сельском хозяйстве, автор приходит к выводу, что в среднем их норма составляла 18 % валового продукта (при этом оговаривая, что не учитывает выплату подушного сбора с христиан — *джизье*). Что касается налогового бремени (включая *джи-зье*), то, согласно исследовательнице, его величина достигала 48 %, что примерно

равнялось нуждам самопотребления и воспроизводства в зерновом секторе хозяйства (с. 93, 144). По подсчетам Ев. Балта, 58 деревень (47 % сельского населения) производили продукцию с определенными излишками, 24 деревни (24 % сельского населения) являлись автаркичными и, наконец, 38 деревень (29 % населения) не обеспечивали необходимого минимума производства (с. 91—93, 145). Данное обстоятельство позволило автору выдвинуть гипотезу относительно применения в деревне сезонного наемного труда (с. 93).

Затем автор пытается дать ответ на вопрос, имелись ли экономические стимулы, побуждающие производителя к увеличению производства. Для этого Ев. Балта проводит выборочный сопоставительный анализ материалов опубликованных дефтеров, данных отрывка полного дефтера 1506 г. и материала тимарного дефтера санджака Агрибоз 1521/1522 гг. (с. 96—112). В этих подсчетах для меня, однако, осталось неясным, учитывает ли автор падение реальной стоимости акче при Баязиде II (1481—1512) по сравнению с акче Мехмеда II Фатиха (1451—1481)¹⁰. Что касается общего вывода, к которому приходит автор, то он заключается в следующем: в большинстве сравниваемых между собой деревень население увеличивалось быстрее, чем росли доходы фискальной единицы. Ограничение доходов рамками самопотребления и уплатой налогов говорит о том, что не было мотивов для увеличения производства, иными словами, рынок не функционировал (с. 112, 143—144).

Второй раздел работы автор начинает с идентификации топонимов, встречающихся в опубликованных дефтерах (с. 115—129). Сравнив данные дефтеров с материалами переписи 1971 г., Ев. Балта установила, что из 125 населенных пунктов, имевшихся на Евбее в конце XV в., к настоящему времени сохранилось, по крайней мере, 90 (под теми же либо другими названиями). Отдельные главы посвящены теме заброшенных деревень (с. 131—136) и демографическим параметрам деревень (с. 137—142). Здесь автор приходит к выводу, что большая их часть не превышала 50 фискальных единиц (103 деревни из 124). В среднем приходилось 20,43 фискальной единицы на деревню (т. е. около 85 человек). В то же время имелось 11 больших поселений, размеры которых превышали 100 фискальных единиц. В среднем в таких крупных деревнях насчитывалось 151,54 фискальной единицы (около 628 человек).

Этот раздел работы Ев. Балта важен не только конкретикой полученных цифр,

⁹ Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988. С. 77—78.

¹⁰ Artuk I., Artuk C. Istanbul Arkeoloji Müzeleri Teşhirdeki İslâmî Sikkeler Kataloğu. Istanbul, 1974. Cilt 2. S. 494.

но также и тем, что здесь хорошо показано, каким образом материалы османских дефтеров могут быть использованы в исследованиях по исторической демографии. Ценна с методической точки зрения и вся работа Ев. Балта в целом, яв-

ляющаяся убедительным свидетельством того, что дефтерология уже разработала свой инструментарий, который позволяет получать достаточно надежные результаты.

К. А. Жуков

Wystawa «Sztuka koptjska». Muzeum Narodowe w Warszawie. Warszawa, 1984. 127 s., 179 N, 170 черно-белых илл., 1 карта

20—25 августа 1984 г. в Варшаве проходил Третий международный коптологический конгресс¹. В ряду приуроченных к этому крупному международному форуму мероприятий самым интересным и значительным для специалистов, пожалуй, была устроенная в Народном музее в Варшаве выставка памятников коптского искусства из нескольких польских собраний: Народного музея в Варшаве, Археологического музея, музея Ягеллонского университета и Народного музея в Кракове.

Основы собраний коптских памятников некоторых польских музеев были заложены еще в конце прошлого века. В нашем веке они неоднократно пополнялись: материалы раскопок совместной польско-французской экспедиции в Эдфе (1937—1939); значительные поступления имели место после второй мировой войны: Археологический музей в Кракове получил дары от воинов II Корпуса польской армии (сражавшейся на Ближнем Востоке) разнообразные египетские и нубийские памятники; пополнили музейные собрания материалы из раскопок в Тель-Атрибе (проводятся с 1957 г.), в Фарасе (1960—1964) и Старой Донголе (с 1964 г.).

Лучшие памятники христианской эпохи из Египта и Нубии, хранящиеся в указанных музеях, и были представлены на выставке. Рецензируемый каталог представляет эти памятники. К сожалению, из-за цепи неблагоприятных условий издание его задержалось на несколько лет, и все же для специалистов он очень ценен и необходим по целому ряду причин: большинство фигурирующих в нем памятников публикуется впервые; массовый материал, добытый в результате квалифицированных раскопок последних десятилетий, дает твердые хронологические ориентиры для датировок сходных памятников, хранящихся в других собраниях и не имеющих научной фиксации.

К работе над каталогом были привлечены польские специалисты: археологи, искусствоведы, музейные работники, некоторые из которых имели непосредственное отношение к находкам, их реставрации и научной обработке.

Построение каталога традиционно для такого рода изданий. Собственно ката-

ложная часть предваряется несколькими небольшими статьями. Комиссару выставки д-ру Влодзимержу Годлевскому принадлежат: «Предисловие» (с. 3—6), «Искусство» (с. 6—7), «Архитектура» (с. 7—8), «Настенная живопись» (с. 9—11). Э. Маковецкая написала: «Каменная пластика» (с. 8—9) и «Керамика» (с. 12—13), П. Парандовский — «Коропластика» (с. 11—12), Э. Лоренц — «Ткани» (с. 13).

Представленные на выставке памятники широки по хронологическому диапазону (II—VIII/IX вв.) и разнообразны по материалу и технике: каменная скульптура (стелы; надгробия с надписями и фигурными изображениями; детали архитектурного убранства и др.), фаянсовые портреты, мумийные маски, металлические изделия (сосуды; светильники; ключ и др.), керамика, стекло, поделки из кости, дерево, папирус, ткани. За редким исключением вещи воспроизведены.

На выставке фигурировал ряд первоклассных памятников, которые теперь наверняка широко войдут в научный оборот, т. е. по достоинству будут отмечены специалистами. У нас же другая задача — отметить недочеты издания. Их, к счастью, немного.

Странно отсутствие дат у двух мраморных надгробий: № 22 (с. 20, 56) и № 23 (с. 20, 56). На наш взгляд, характер этих памятников (пространные надписи, некоторая неряшливость «письма», минимум украшений и т. п.), скорее всего, указывает на VIII в.

К просчетам составителей следует отнести не только отсутствие воспроизведенных греческих надписей на большинстве памятников, но даже и их переводов на польский язык (например, стелы № 19 (с. 19, 54) и № 23 (с. 20, 56)).

Из надгробной особо хочется отметить известняковую стелу Народного музея в Кракове — № 20 (с. 19—20, 55). Она украшена резьбой с обеих сторон и, по видимому, использовалась дважды.

Главный камень преткновения для специалистов, занимающихся коптским и нубийским искусством, по сию пору остаются проблемы датировок памятников. По роду занятий мне ближе ткани, поэтому больше всего недостатков я заметил именно в этом разделе каталога. Начну с дат. Мне кажется, следовало бы передатировать следующие ткани: № 144 с IV в. на V—VI вв., № 146 с IV—V вв. на VI—VII вв., № 155 с IV—V вв.

¹ Acts of the 3rd International Congress of Coptic Studies in Warsaw, 20—25 August, 1984. Warsaw, 1990.